

УДК 81.362

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-116-120

СТРАТЕГИЯ ПОНИМАНИЯ СУЕВЕРНЫХ ПРИМЕТ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

© Наиля Фаттахова

THE STRATEGY OF UNDERSTANDING SIGNS OF SUPERSTITION IN TELEVISION DISCOURSE

Nailya Fattakhova

The article studies the television series “The Blind”, “A Hex” and “The Fortune Teller”, “The Witch Doctor”, “Weege” and “The Elder”, in which the identification of the semantic content is carried out through superstition signs. The use of signs, rituals, rites, etc., actively functioning in the discourse of television series, makes it necessary to highlight the strategies and signs that the viewers identify in order to correlate their own picture of the world with an illusory, fictional representation of the world, and believe in it. The primary role in this process is played by signs that summarize and explain what is happening on the TV screen. The main purpose of the work is to describe the functions of superstitions, based on the lexico-semantic field “family”: prognostic, prohibitive and regulatory. It is established that the relationships between family members are determined by their knowledge of the signs, prescribing a certain domestic behavior, based on a system of prohibitions and permissions. In this regard, television series are considered to be a non-verbal text, including implicit symbols and signs that need to be deciphered with the help of a translator of ancient knowledge, whose role is performed by various elders, witches, clairvoyants, etc. The analysis of a large corpus of new superstitions allows us to state that different age groups of viewers display an increasing interest in the existence of a parallel world that controls all their actions, and even their lives, as evidenced by the increasing number of such TV series.

Keywords: television series, superstitious omen, identification strategies, lexico-semantic field, family

Статья посвящена рассмотрению телевизионных сериалов «Слепая», «Порча» и «Гадалка», «Знахарка», «Уиджи», «Старец», идентификация смыслового содержания которых осуществляется через разного рода суеверные, или бытовые, приметы. Активное функционирование в телевизионном дискурсе сериалов, основанных на использовании примет, обрядов, ритуалов и т. п., приводит к необходимости выявления стратегий и знаков, которые телезритель вычленяет, чтобы соотнести свою картину мира с иллюзорным, вымышленным представлением о мире и поверить в нее. Первостепенную роль в данном процессе играют приметы, объединяющие и объясняющие происходящее на экране телевизора. Основная цель работы – на основе лексико-семантического поля *семья* описать функции суеверных примет: прогностические, запретительные, регуляторные. Установлено, что взаимоотношения между членами семьи обусловлены тем, насколько хорошо они знают приметы, предписывающие определенное бытовое поведение, основанное на системе запретов и разрешений. В этом плане телевизионные серии рассматриваются как кинематографический текст, включающий имплицитные символы и знаки, которые нужно расшифровать с помощью транслятора древнего знания, в роли которого выступают разного рода старцы, ведуньи, ясновидящие и пр. Анализ большого корпуса новых суеверий позволяет констатировать все более возрастающий интерес у разновозрастных групп телезрителей веру в существование параллельного мира, контролирующего все наши действия, и даже нашу жизнь в целом, о чем свидетельствует все увеличивающееся количество подобного рода сериалов.

Ключевые слова: телевизионный сериал, суеверная примета, стратегии идентификации, лексико-семантическое поле, семья

Приметы издавна сопровождают жизнь человека. И если приметы, связанные с предсказанием погоды, постепенно уходят из жизни современного человека, то бытовые приметы в последние десятилетия не только сохраняются, но

и пополняются новыми, основанными на современных реалиях. Почему это происходит, что лежит в основе постоянного интереса к разного рода предсказательным текстам? Каковы функции современных бытовых примет? Могут ли

приметы стать определенного рода знаками современной культуры? Обсуждение данного вопроса невозможно без определения того, что такое примета, особенно бытовая, как она формируется, что лежит в ее основе. Народные приметы формируются на основе системы ожидания, поскольку «ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть логически мыслить» [1, с. 33]. Хотя бытовые приметы чаще всего рассматриваются как суеверие, не имеющее под собой реальных оснований, последние исследования свидетельствуют о том, что такие приметы так же, как и метеорологические и сельскохозяйственные, возникали в результате длительных наблюдений за предметами, вещами, окружавшими древнего человека, и отношениями между людьми (своими / чужими). Взаимоотношения в лексико-семантическом поле *семья* создают уникальную упорядоченную структуру, которая сохраняла и передавала из поколения в поколение систему запретов и разрешений, исполнение которых способствовало сохранению благополучия в семейной жизни. При этом большинство бытовых примет было основано на разного рода повериях, первобытных культах, обычаях, ритуалах, пред-рассудках, которые можно рассматривать как коллективную память народа, однако зачастую утраченную или забытую в настоящее время.

Бытовые приметы, связанные с семейными отношениями, формируются на основе взаимоотношений членов семьи, под которой понимается «родственная связь по **свойству** или **общность** по **имени предка (фамилия)** – в отличие от кровного **рода** и близости **дружбы**» [2, с. 232]. В традиционных бытовых приметах отражаются только наиболее значимые моменты жизни человека, к которым относятся рождение ребенка, свадьба и смерть. Бытовое поведение в течение всей жизни не было строго регламентировано, оно, безусловно, было в определенной степени сформировано по существовавшим в ту или иную эпоху стереотипам, которые определяли степень нормальности / ненормальности поведения индивида. Нормальным считалось такое поведение, в основе которого лежат запрограммированные действия, а ненормальным рассматривалось непредсказуемое, неритуализированное, поведение.

Современные телевизионные бытовые приметы, становясь смысловой основой для телевизионного сериала, отражают взаимоотношения между членами современной семьи. Жизненные ситуации, на основе которых строятся телесериалы, воспринимаются как определенная модель мира, состоящая из определенных знаков,

прочтение которых способно уберечь индивида от ударов судьбы. Телесериалы демонстрируют неспособность индивида самостоятельно предотвращать последствия собственных поступков в силу того, что утрачено древнее знание знаков, посылаемых судьбой и способных уберечь от страха одиночества, безответной любви, предательства близких, коллег и знакомых и других негативных, разрушающих психику человека чувств и поступков.

Бытовые телевизионные приметы формируются на основе традиционных принципов, включающих предсказательность, обобщенность, аналогию, условно-временные отношения, оппозицию (на разных языковых уровнях), актуализирующих современное прочтение народных примет и обусловивших возникновение нового принципа, основанного на понимании того, что любое явление может функционировать в качестве знака. При этом основные принципы формирования народных примет претерпевают определенные изменения, в частности, принцип обобщенности корректируется принципом индивидуализации через конкретное событие в жизни конкретного человека. И если в традиционных приметах следствие несоблюдения нормы поведения формулировалось неопределенно (*к беде, к неудаче, к горю, к несчастью* и др.), то есть «... предсказание всегда сохраняет запас неопределенности, неисчерпанность выбора между некоторыми альтернативами» [3, с. 349], то в телевизионных приметах следствие, как правило, эксплицируется: указывается конкретное следствие, приистекающее из конкретного условия: *Нельзя мужчине во взрослом возрасте в детские игрушки играть. Это приведет к тому, что он не сможет завести семью, а если заведет, она разрушится* [4]. Однако подобные следствия, как правило, лишь констатируют неблагоприятные последствия, но не объясняют их: причинно-следственные связи субъект должен восстанавливать сам (например, игра в детские игрушки свидетельствует о том, что субъект не готов к взрослой жизни). Суеверные приметы содержат целый пласт разнообразных эллипсисов, пропусков, опущений, восстановление которых отсылает к древним знаниям, к общей некогда коллективной памяти, утерянной в настоящее время. Восстановление пропущенных звеньев возможно, если учитывается один из ведущих, основных принципов формирования народных примет – принцип аналогии, постулирующий закономерность того, что подобное вызывается подобным, будь то цвет, форма, размер, функция и т. п., при этом аналогичность может быть неявно выраженной, основанной на пресуппозициях, тре-

бующих восстановления в памяти ассоциаций, связанных с тем или иным словом. Поскольку «Все многообразие человеческих коллизий сводится к истории главной пары – Мужчины и Женщины» [5, с. 571], то и бытовые приметы в основном ориентированы на взаимоотношения мужа и жены, например: *Если муж на рубашке пуговицы криво застегивает, значит, неверен / Если ваш муж часто путает пуговицы на рубашке, значит, он вам изменяет* (криво застегивает / пошел по кривой дорожке, путает пуговицы / перепутал дорогу домой); *Нельзя хранить вещи мужа и жены отдельно – это к разлуке. Хотя бы часть вещей должна лежать вместе* (хранить отдельно / жить отдельно); *Мужчина должен одно кольцо носить. Если их много, не может жене верность хранить* (одно кольцо / одна женщина, много колец / много женщин). Постоянно возникающее противоречие между принципом *вместе / раздельно* характеризует отношения мужа и жены, при этом возникают противоречивые приметы, которые трудно объяснить, например: *Нельзя есть с любимым из одной тарелки, иначе семья развалится*; и противоположные: *Мужу и жене нельзя под разными одеялами спать – это приводит к охлаждению в семье; Нельзя мужу и жене на разном белье спать, это к разлуке; Если в доме чашки и блюда от разных пар, хозяева во лжи жить будут*.

Часть примет построена на древнем представлении о парном, двойном предмете, при этом потеря одного из элементов приводит к разлуке, обману, неверности, одиночеству, потому что нарушается связь между мужем и женой: *Если жена одну серьгу из пары, что муж подарил, потеряет, она неверна; Если у мужчины все носки непарные, то и пары у него не будет*. Большинство примет можно рассматривать как своего рода обереги, помогающие сохранить семью, за каждой приметой выступает определенное событие, сценарий жизни, основанный на желании избежать нежелательных последствий. В частности, кольцо как символ вечной любви, верности присутствует в ряде примет: *Если супруги хотят счастливо жить, должны обручальные кольца носить // Чтобы брак крепким и безоблачным был, супруги должны обручальные кольца носить; Нельзя давать примерять свое кольцо. Кто кольцо примерит, тот твое место займет*. Запрет на то, чтобы выставлять напоказ свои отношения, – устойчивый предрассудок: *Нельзя мужу и жене на фотографии целоваться – это может к измене привести; Никогда не стоит выставлять свою жизнь напоказ, так мы привлекаем завистников*. И если такого рода

приметы поддаются объяснению, поскольку можно вычленить глубинные ассоциации, можно установить принципы, по которым формируются часто не осознаваемые нормы поведения, то некоторые телевизионные приметы кажутся абсолютно нелогичными, немотивированными, не имеющими причинно-следственной связи между событиями в личной жизни героя сериала. Часто запрета недостаточно для понимания сценария жизни и дальнейшего прогноза, поэтому требуется слепая вера в знаки судьбы, например: *Если муж в постели чай пьет, он от жены гуляет // Муж чай в постели пьет, значит, жене неверен (примета старая, верная); У мужчины своя ложка должна быть, иначе жить ему в обмане; Если в семье первой рождается девочка, есть возможность, что супруг будет изменять, особенно на третьем году жизни; Если муж не пользуется одеколоном, что жена подарила, это верная примета, что он что-то скрывает от нее*.

Запрет на производство тех или иных действий касался в первую очередь жены, поскольку она рассматривалась как хранительница семейного очага, от ее правильного поведения зависело благополучие и стабильность брака: *Нельзя жене в одежде мужа спать – дурная примета // Если жена в одежде мужа спит – брак развалится*; и наоборот: *Если женщина мужскую обувь носит – будет всю жизнь верность ему хранить – примета надежная; Нельзя давать примерять свое кольцо. Кто кольцо примерит, тот твое место займет*. Запрет, адресованный мужчине, носит другой характер, мужчина не должен пересекать красную линию между женской и мужской территориями в доме, так как это ведет к неудаче, неприятности, обману в личной жизни, поскольку мужчина берет на себя роль жены: *Мужчина не должен сам белье гладить. Если самому гладить, можно жену потерять; Мужчина, который хочет устроить свою личную жизнь, не должен делать женскую работу: стирать, убирать, гладить; Нельзя семейным мужчинам кухонные полотенца покупать, семья под угрозой: дело это женское*.

Взаимоотношения родителей и детей также регламентируются, при этом отношения *мать / дочь, сын и отец / дочь, сын* трактуются по-разному, формируя различные сценарии поведения, объяснение которых возможно с учетом гендерных, социальных, возрастных и пр. различий. Существуют приметы, которые распространяются на отношения родителей (матери / отца) и детей без гендерных различий: *Нельзя взрослым в детские игрушки играть – мира в доме не будет; Никогда не принимайте игрушек и сувени-*

ниров для своих детей от посторонних людей; *Нельзя матери целовать ребенка в лоб, иначе не будет ни счастья, ни любви // Если мать ребенка в лоб целует, он не своим, а ее умом живет.*

Принцип аналогии в некоторых случаях действует избирательно, например, в примете может содержаться запрет на то, чтобы иметь разные фамилии матери и ребенку, поскольку это противоречит постулату: на двоих – одна судьба, разные фамилии разрывают эту связь, разрывают принадлежность к одному роду: *Нельзя матери и ребенку разные фамилии носить – не будет между ними любви и взаимопонимания.* Однако существует и примета, в соответствии с которой запрет распространяется на одинаковые имена для сына и отца, дочери и матери, поскольку сын и дочь могут или стать несчастными, или отобрать у родителей удачу: *Нельзя чтобы сына и мужа или дочь и мать одним именем называли – только одному будет сопутствовать удача. Чтобы удача и счастье вернулись, надо третьего с этим именем обрести (внука).* Взаимоотношения взрослых детей зависят от взаимоотношений родителей, предшествующий опыт счастливой / несчастливой семейной жизни будет бумерангом возвращаться, формируя аналогичный сценарий жизни: *Если муж жене неверен, то и у дочери муж неверен будет.*

Сложными представляются отношения матери и дочери, запрет на вмешательство в жизнь дочери связан с принципом зеркала: дочь или повторит судьбу матери, или не сможет сформировать собственный сценарий жизни (останется незамужней): *Нельзя хозяйничать в шкафу взрослой незамужней девушки, тогда вся ее личная жизнь будет на виду; Нельзя, чтобы мать дочь с женихом знакомила – к разладу, брак может быть нежелательным // Чтобы с будущим женихом знакомила мать – плохая примета; Дочери нельзя носить вещи матери, тогда не будет у нее своего женского счастья; Нельзя чтобы молодая семья в родительском доме жила, от этого семьи матери и дочери рушиться будут.* Отношения с сыном также построены на определенных запретах: *Нельзя, чтобы мать сына стригла, иначе он ее умом будет жить и личной жизни у него не будет; Нельзя матери на ногу сына обувь протирать – несчастлив в браке будет.* Аналогичными представляются отношения отца и дочери: *Нельзя отцу дочери волосы заплетать, иначе в доме женщины не будет, пока дочь сама замуж не выйдет.*

Рассмотрение лексико-семантического поля семья убеждает нас в том, что приметы имеют форму высказываний констатирующих, запретительных, постулирующих необходимость строго-

го соблюдения определенных правил поведения и ритуалов в повседневной жизни. Так называемые запретительные приметы актуальны прежде всего для бытовых примет, поскольку они «сохранили в себе не только остатки древних воззрений на причинно-следственные связи, но и начала правил, вызванные потребностями жизненного уклада» [6, с. 242]. У героев телевизионных сериалов возникает стремление полагаться на какие-то силы, находящиеся вне человека, поскольку, плохо понимая причинно-следственные связи событий своей жизни, они начинают искать причины неудач во внешнем мире, при этом запрет на производство некоторых действий помогает преодолеть ситуацию неопределенности.

Сами высказывания, имеющие схему «нельзя...+ инфинитив», построены по типовой модели народной приметы, в основе которой лежат условно-временные семантико-синтаксические отношения. Интегральная условно-временная семантика коррелирует с разного рода семантическими отношениями: причинными, следственными, определительными, целевыми и др., что способствует возникновению разных схем, а «структурная схема (образец минимального построения) предназначена для того, чтобы, будучи наполненной конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-либо действительности» [7, с. 541]. Для бытовых примет с семантикой запрета релевантной является схема с модальным словом *нельзя*, поскольку оно выступает как «формула категорического запрета на речь, мысль или действие, признанные всегда или условно принимаемые здесь и сейчас как невозможные, предосудительные или вредные» [2, с. 505]: *Нельзя за внуком еду доедать – силу у него отбираешь; Нельзя фотографии ребенка хранить среди документов – к несчастью; Нельзя, чтобы в одной семье были две свадьбы в один месяц. Одна семья разведется.* Однако частотны и условно-временные, целевые, местоименно-соотносительные конструкции, которые передают не запрет, а предостережение от неблагоприятных последствий определенных поступков: *Если оставлять на столе грязную пустую посуду, к ссоре и разладу в семье; Чтобы семья крепкая была, жена должна сама мужу еду накладывать; Чтобы в семье были лад и любовь, в доме надо семейные портреты хранить.* Подобные конструкции составляют парадигму бытовых примет: *Нельзя оставлять грязную и пустую посуду на столе – это к ссоре и разладу в семье // Если оставлять на столе грязную пустую посуду, к ссоре и разладу в семье // Чтобы не было*

ссор и разлада в семье, нельзя оставлять грязную и пустую посуду на столе.

Таким образом, в бытовых приметах, построенных по разным схемам, прогнозирование следствия актуализирует когнитивно-смысловое поле запрета, ориентированное на субъекта, верящего в то, что соблюдение определенных правил и норм поведения способно предотвратить неудачи в жизни. Индивиду легче поверить в то, что нарушение древних законов поведения – это и есть причина всех его бед и неудач, чем самому пытаться преодолеть трудности, осмысливая их.

Список источников

1. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
2. Колесов В. А., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. А – О. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.
3. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2002. 768 с.
4. Слепая. URL: <https://premier.one/show/slepaja> (дата обращения: 05.04. 2021).
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2004. 704 с.

6. Стрижев А. Н. Народные приметы М.: Современник, 1997. 254 с.

7. Шведова Н. Ю. Простое предложение. // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

References

1. Cheremisina, M. I., Kolosova T. A. (1987). *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of Complex Sentences]. 197 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)
2. Kolesov, V. A., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. V 2-kh t. T.1. A – O. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)
3. Lotman, Yu. M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. 768 p. St. Peterburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)
4. *Slepaya* [The Blind]. URL: <https://premier.one/show/slepaja> (accessed: 05.04. 2021). (In Russian)
5. Lotman, Yu. M. (2004). *Semiosfera* [Semiosphere]. 704 p. St. Peterburg, "Iskusstvo – SPB". (In Russian)
6. Strizhev, A. N. (1997). *Narodnye primety* [Folk Omens]. 254 p. Moscow. Sovremennik. (In Russian)
7. Shvedova, N. Yu. (1970). *Prostoe predlozhenie* [Simple Sentence]. V kn.: *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. 767 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 16.03.2022

Поступила в редакцию 16.03.2022

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru